

# Лопнувшая струна

Улетел от нас в непонятную даль — умер в Барнауле — омский поэт Вильям Озолин.

Я не ошибся, написав слово «омский», хотя хорошо помню, что уехал он из нашего города еще в самом начале 70-х. Озолин тогда не просто уехал — город выдавил его, неугольного, неудобного своей естественностью, своей привычкой жить размашисто, без оглядки на кого бы то ни было.

Он уехал, но он остался здесь. Письмами и звонками многочисленным омским друзьям, радиопередачами и публикациями в периодике, а главное — самой душой, самими корнями своего творчества.

Да, была Чита, был Барнаул. Но было постоянное — вначале скрываемое, а потом уже и открытое — стремление вернуться. Он и вернулся бы, говорил об этом в последнее время как

о ближайшей реальности. Не успел. Не пустила болезнь.

В последний раз он приезжал к нам в 95-м — на III Мартыновские чтения. Леонид Мартынов — человек, тоже выдавленный неумной властью и ее прихлебателями из родного Омска, — был не просто его любимым поэтом, но и учителем, другом загубленного в конце 30-х отца.

В этот последний приезд Озолин, казалось, готов был разорваться на части: поэтический вечер, презентация книги, спектакль, чаепитие в музее К. Белова, запись на радио, встреча в литмузее им. Ф. М. Достоевского... Он побывал всюду, участвовал во всем. И везде читал стихи — именно те, которые сейчас прочтете и вы. Прощаясь, я взял тогда эти несколько листочков на память. Кто ж знал, что пригодятся они вот для этого случая...

Собрал и разложил по хронологии его письма, полученные за долгие двадцать пять лет. Весело разрисованные цветными фломастерами, в последние годы они во многом стали тревожными и горькими: хаос в стране, хаос и предательство в писательских делах.

Он много работал в последнее время: рассказ в «Новом мире», сборник стихов, еженедельные эссе на свободную тему в местной газете, обязанности члена редколлегии журнала «День и ночь»...

Говорят, остается следящее, остаются стихи... Все так. Но это слабое утешение для тех, кто знал и любил его живого — распахнутого, неповторимого, щедро на дружбу.

Быстро идет время. Сердца наши по-прежнему полны слез...

А. ЛЕПФЕР.

## Вильям ОЗОЛИН

Кто по издательским скитался коридорам,  
Кто был знаком со славой и позором,  
Тот должен знать особенность одну  
Издательского дела:

как бы смело

Ни вел ты свой корабль на волну,  
Какие бы метафоры и рифмы  
Твои б ни украшали паруса,  
Ты все равно напорешься на рифы  
Редакторского вкуса...

Чудеса!..

Но я привык к ним. И когда однажды,  
Горя от нетерпения и жажды  
Увидеть напечатанный свой труд,  
И прискакал в издательство...

То тут

Возникли вдруг те самые препоны,  
О коих я поведал вам...  
Горгоны, поверьте мне, —  
Как птички Петипа,  
Нежнейшие, добрейшие натуры  
В сравненьи с отвратительной фигурой  
Редактора, в чьи лапы я попал.

Нет — внешне он был малым  
современным...

И чисто выбрит, и одет отменно,  
И вежлив был со мною.

Лишь одно

Смушало обстоятельство:  
Уж очень  
Он к словарям был сильно скособолен!  
Что было мне: хоть мудро, но чудно!  
Не нравились ему слова простые,  
Похожие на заросли густые.  
Иную он лелеял красоту!  
Вычеркивал он все слова и мысли,  
Те, без которых мы себя не мыслим —  
Увы! — ни на работе, ни в быту.  
Вы б слышали, как он нудел безбожно!  
С ним столкнуться было невозможно.  
Мы были антиподы — он и я:  
Он был с филфака. Я же был матросом.  
И для меня язык мой был вопросом  
Стилистики во славу бытия.  
И я сказал ему:

— Я автор. Это значит —

Никто меня уж  
не переначит!

Мне совесть судия и чистый лист!  
Но тут уж он не выдержал и взвился,  
И волосат стал, будто и не брился:  
— К чему ты призываешь, скандалист?!  
— Я призываю — лозунг мой

аршинный, —

Чтоб, разумеется, без всякой матерщины,  
Все, чем богат народный наш язык,  
Без всяческой усучки и утруски  
Вошел в литературу —

коль он русский,

Могучий, вольный, добрый наш язык.

## УШЕДШЕМУ ДРУГУ

Евг. Раппопорту

Инфаркт. Как лопнувшей струной  
Мне обагрило слух. Проклятье!..  
С тобою были мы как братья.  
И жизнью маялся одной.  
Друг добрый, не вини меня,  
Что ты ушел, а я остался.

Ты не жалел себя, и я  
В кустах от жизни не скрывался.  
Но каждому из нас свой срок  
Судьба отмерила. Кто знает:  
Где и меня подстерегает  
Последний затяжной прыжок?  
Но верю я: в глуби небес  
Когда-нибудь в одно сомкнутся  
Два облака. И содрогнутся  
От грома — поле, реки, лес.

## ЗАПРЕТНЫЕ РИФМЫ

Талдычат критики и разные пособия,  
Что рифма «кровь — любовь»  
свое, мол, отжила,  
Соорудив над ней печальное надгробье,  
Похожее на два обломанных крыла.  
«Морозы — розы» — тоже под запретом.  
(Но как ты хороша, когда в морозный  
день  
В серебряной пыли ты вся лучишься  
светом  
И на щеках твоих — пунцовой розы  
тень!)  
Спасибо, что поэт по имени Мартынов,  
На критиков плечу, рифмует вновь  
и вновь  
И Розы и Любовь —  
да так, что в жилах стынет  
От благодарных слез вскипающая кровь.